

Револуцыя справа

Православно-русская народная концепция в монархическом движении начала XX века

Николай ГОНЧАРОВ,
магистр исторических наук, аспирант

Научный руководитель –
КОРЗУН Михаил Семенович, доктор исторических наук, профессор

Современное общество на постсоветском пространстве развивается в русле интенсивных модернизационных процессов, которые ведут к социальной дифференциации и к социальным контрастам. Это чревато возникновением революционных ситуаций. Свидетельство тому – отечественная история начала XX века. И если деятельность на территории Беларуси в отмеченный период левых партий: социал-демократов, эсеров и других изучена достаточно полно, то политическое явление «революции справа» в монархическом движении оставалось в тени.

Данные отечественных архивных фондов позволяют осветить тенденции в народном сознании начала XX века, отразившие процесс объективного деления монархического движения на дворянско-аристократическое и народно-крестьянское направления. Это свидетельство неизбежности революционного взрыва в Российской империи практически не исследовано на современном этапе.

Архивные документы свидетельствуют о привнесении крестьянскими низами социальных идей, аналогичных социал-демократическим идеологическим установкам, в политическую практику периферийных отделов монархических организаций. Под народные представления о социальной справедливости в крестьянской среде подводилась соответствующая православно-русская религиозная основа, приводящая в систему идеалы «народной правды», что позволяет обозначить их совокупность термином «православно-русская народная концепция социальной борьбы». Правые партии стали первой политической школой

для патриархальных слоев населения в их борьбе за свои сословные интересы.

По воспоминаниям современников, вертикаль власти Российской империи опасно балансировала между «революционерами слева» и «революционерами справа» (не признававшими общественного строя, основанного на западноевропейских буржуазных социальных и политических стандартах), раскачивавшими государственный корабль и одинаково способными на провокацию социального взрыва.

Ярлык «революционеров справа» [1, с. 43; 2, с. 149] крайние монархисты заслужили от современников своими экстремистскими акциями, направленными на силовое удержание от социальных трансформаций традиционного общественного строя в России начала XX века. Силовое подавление официальными и нелегальными методами либеральных и революционно-демократических тенденций в общественной жизни с целью сохранения традиционной политической и социальной системы составило сущность дворянско-аристократического направления черносотенной «революции справа». Незученным остается народно-крестьянское движение в «черной сотне», преследовавшее почти те же социально-экономические цели, что и социал-демократические организации: подрыв дворянского землевладения; передача земли крестьянам; сохранение крестьянской общины. Отличие народного монархизма заключается в воплощении идеи социальной справедливости в религиозную

ОБ АВТОРЕ

ГОНЧАРОВ Николай Николаевич.

Родился в 1975 году в г. Чериков Могилевской области. Окончил исторический факультет Могилевского государственного университета имени А. Кулешова (2005), магистратуру Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка (2011).

С 2012 года – аспирант кафедры славянской истории и методологии исторической науки БГПУ имени М. Танка.

Автор 8 научных публикаций, в том числе одной монографии.

Сфера научных интересов: история Русской православной церкви и общественных движений.

► Рисунок 1.
Цель и субъекты
правого радикализма

православно-русскую форму и в наивной надежде на реализацию «народной правды» самим монархом. Таковы основные особенности народно-крестьянского направления «революции справа».

Социальную базу крайне правых организаций составили, прежде всего, патриархальные сословия. Партийное руководство в основном осуществляли представители вышестоящих социальных слоев: дворянства, духовенства, отставного офицерства, чиновничества, мещанства. Аристократические круги в правых партиях пытались низвести крестьянство до уровня пассивной массы. Однако в периферийных отделах монархических организаций крестьяне активизировались с целью реализации своих сословных интересов, сформулированных как требование «земли и воли». Дворяне стремились играть руководящую роль в «черной сотне» в лице «Объединенного дворянства», консолидировавшего элиту правых партий, – организации, созданной в Петербурге 21–28 мая 1906 года на I съезде уполномоченных дворянских обществ, включавшей представителей западных губерний [3, с. 186; 4, с. 12, 160, 402, 404].

«Даже в Главном Совете самой «демократичной» черносотенной организации – СРН (Союз русского народа. – Авт.) – 17 из 34 членов принадлежали к дворянскому сословию. Среди 45 председателей губернских отделов СРН было 29 дворян» [5, с. 85, 90, 93]. Дворянское руководство встречалось и на уездном уровне: председателем пинского объединенного отдела Союза русского народа и Союза русских людей (СРН–СРЛ) был дворянин В. Казаринов. В 1908 году Совет Витебского губернского отдела СРН состоял из 6 дворян, 1 священника, 7 мещан. Совет уездного отдела СРН (г. Себеж Витебской

губернии) – из 1 дворянина, 1 священника, 1 купца, 1 мещанина, 8 крестьян. В Совет отдела СРН в посаде Должицы Витебской губернии входили 11 мещан, 1 крестьянин, в Совет подотдела СРН села Телятино той же губернии – 1 дворянин, 1 священник, 12 крестьян [6, с. 143].

Сохранились имена людей, представлявших интересы социальных низов в монархической среде Минской губернии в 1907 году. Председателем отдела СРН в селе Дерновичи Речицкого уезда был Никита Шороп, председателем отдела СРН в селе Червищи Пинского уезда – Михаил Приходько. В партактив отдела СРН села Лунинец Пинского уезда входили председатель Сергей Радюк, а также Герасим Голубев, Петр Ельский и неграмотные крестьяне Евстафий Голубев и Петр Голубев [7, л. 42–43, 516, 544 – 544 об.].

По мере увеличения численности крестьян в низовых структурах СРН повышалась социальная радикализация черносотенных объединений. Крайне правые партии стремились играть на традиционализме и патриотических чувствах православно-русского крестьянства [8, с. 191]. По программным положениям СРН корректировка существовавшего общественного строя праворадикалами предусматривалась с жесткой ориентацией на цивилизационные особенности России, за которой признавалось «всемирно-христианское призвание», олицетворяемое православно-русским самодержавием [9, с. 139, 141].

Последовательная социальная модернизация по западноевропейским стандартам буржуазного индивидуализма воспринималась крайне правыми враждебно. Ультраправые утопически стремились воплотить в социальной жизни синтез буржуазной частной

инициативы со свойственным русским народным массам общинным коллективизмом. Проявленные частью монархистов симпатии к крестьянской общине в определенной мере, так же, как и политический экстремизм, роднили революционеров справа с революционерами слева. В частности, стольпинские реформы в направлении социальной модернизации по современному для начала XX века капиталистическому образцу подвергались резкой критике на страницах «Русского знамени» – печатного органа СРН. Разрушение сельской общины подавалось как катастрофа, о чем писали в газете и после гибели П.А. Столыпина. В 1912 году «Русское знамя» освещало безнадежную борьбу крестьян-общинников в белорусских губерниях, например, сообщалось о «ходатайстве крестьян-ходоков Гродненской губ. об отмене хуторского землевладения» [10, с. 657]. Интенсивность критики аграрной реформы не снижалась и в последующие годы. В публикации «Русского знамени» «Как выделяются хутора», датированной 18 августа 1913 года, раскрывались причины крестьянского недовольства: «В нашей местности выход одного крестьянина на отруба или хутор влечет за собою разгром целого общества... выделенный кусок, да еще хорошей земли, включает в себя полосы многих крестьян...» [10, с. 663–664].

Архивные источники раскрывают напряженную и одновременно искусную борьбу стольпинского правительства с черносотенными публикациями: выход издания приостанавливался, по истечении времени арест с него снимался, но информация уже теряла свою актуальность. В частности, телеграммой минскому губернатору министра внутренних дел П.А. Столыпина от 13 апреля 1907 года за № 4433 приказывалось наложить арест на № 84 газеты «Русское знамя». Данное указание незамедлительно было исполнено, о чем свидетельствует соответствующий «циркуляр минского губернатора полицеймейстерам и уездным исправникам», датированный 13 апреля 1907 года за № 2104. Процесс же снятия ареста с печатного органа объективно затягивался. Циркуляр Главного управления по делам печати минскому губернатору от 27 апреля 1907 года за № 4876 предписывал отмену ареста в отношении № 84 газеты «Русское знамя». И только через две недели, 10 мая 1907 года, «циркуляр

минского губернатора полицеймейстерам и уездным исправникам» за № 2645–2648 доводил до сведения низовых структур местной власти распоряжения об отмене ареста на это издание. Те же санкции были приняты и в отношении № 190, 223 «Русского знамени». Таким образом, с момента ареста до реальной отмены запрета проходил месяц. Сохранялось ли за такой срок само издание – тоже вопрос. И в этом была своя внутренняя логика: потеря времени – утрата актуальности темы печатного материала – отсутствие ажиотажа в обществе – поддержание стабильности без репрессивных мер в отношении своих же «строптивных сторонников» царского режима [11, л. 1–2, 49, 52 – 52 об.].

Сравнение черносотенцев с революционными демократами получило широкое распространение в сознании прогрессивной общественности, о чем свидетельствует, в частности, корреспонденция губернской газеты «Витебский голос» за июнь 1906 года [12, л. 412].

Праворадикалы, соприкоснувшиеся с волной крестьянского гнева против социального неравенства, вынуждены были действовать под этим давлением. Однако значительным изъяном в политической практике правых оставался крайний национализм, от которого в первые годы пробуждения классового сознания патриархальные массы не могли избавиться сразу. Непримиемые монархисты, не способные интегрироваться в многоэтничное и поликонфессиональное общество Северо-Западного края, были вынуждены навсегда оставить эту имперскую провинцию.

В 1906 году из-за крестьянского и национального вопросов потерял в своей монархической организации поддержку предводителя дворянства в Пинском уезде барона Гревеница и вынужден был скрыться от судебного преследования лидер пинского объединенного отдела СРН–СРЛ дворянин В. Казаринов. Находясь на нелегальном положении, он жил не менее чем в пяти городах Российской империи (в одном только Петербурге поменял, как минимум, три адреса проживания). «Правая рука» В. Казаринова в социальных низах крестьянин Г. Колошвин был отдан властями в солдаты. В 1912 году вынужден был выехать в центральные губернии лидер гомельской черносотенно-экстремистской группиров-

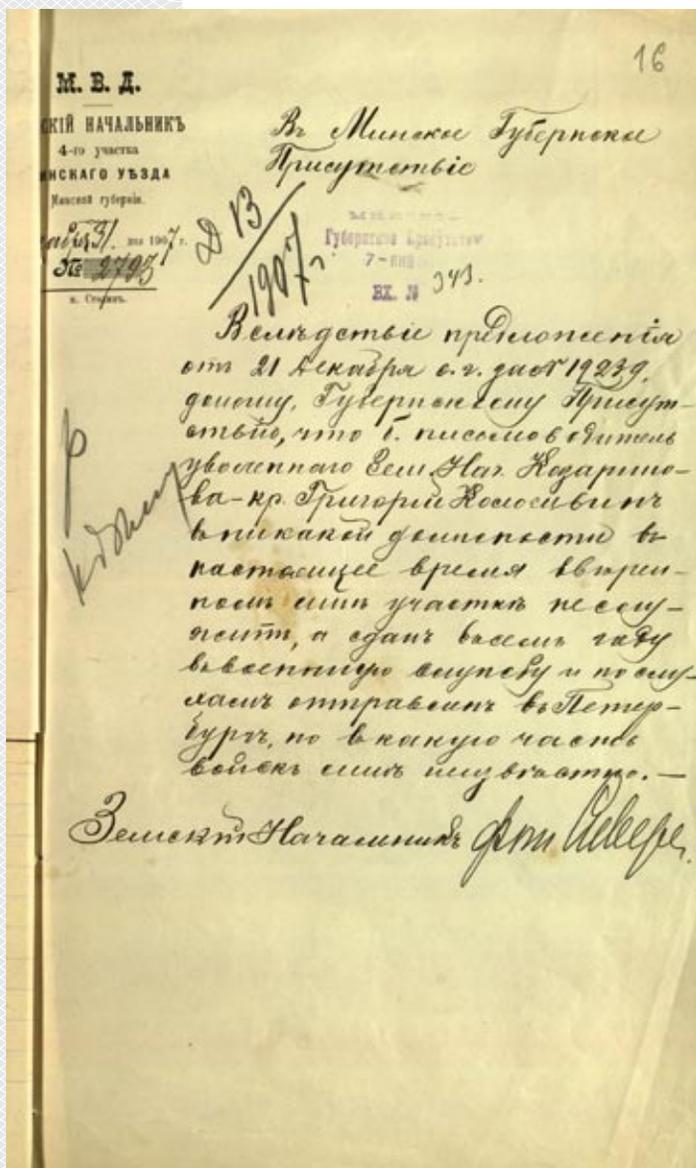
ки реакционного дубровинского направления А. Давыдов, позиционировавший себя в качестве народного борца против еврейской буржуазии [13, л. 2–3, 15].

В деятельности низовых структур СРН–СРЛ в Пинском уезде социально-классовый фактор был определяющим. Чиновники минской губернской администрации, отстранившие надворного советника, отставного офицера и дворянина В. Казаринова от должности земского начальника 4-го участка Пинского уезда, в «Выписке из переписок о земском начальнике Казаринове и председателем им пинском отделе Союза русского народа» указывали, что сложно

поверить в его прокрестьянскую деятельность: «Это обстоятельство подтверждает член союза Антончик... На... собраниях Казаринов... возбуждал крестьян... и убеждал их не работать на помещиков за 30 к. в день, а требовать рубль, а с лошадью два руб. Можно бы было не верить словам Антончика, если бы они постоянно не подтверждались фактами. Так, земский нач-к Левшин, заведывающий участком Казаринова, выезжавший туда по случаю небольшого волнения крестьян, передавал... председателю дворянства, что когда он убеждал крестьян в том, что непомерное увеличение заработной платы и незаконные захваты чужой собственности не входят в программу Союза РН, – крестьяне высказали ему, что тогда «на что им и Союз» [14, л. 30 об.].

После административного воздействия на председателя пинского отдела СРН–СРЛ В. Казаринова представитель крестьянских низов в пинском подразделении СРН Г. Колошвин вышел из-под контроля и превзошел по радикализму самого В. Казаринова. Как видно из «Дела по жалобе крестьян дер. Бережного...», заведенного и рассмотренного в Минском губернском присутствии 24 октября 1906 года, «делопроизводитель Столинского вол. Суда Колошвин... явился в их деревню и приказал старосте собрать сход, на котором читал... и говорил, что если у них будет Союз, то они смогут отнять землю от помещика и при этом дал две медали, одну сельскому старосте, а другую крестьянину Архипу Сопану и две прокламации под заглавием «Революция, а не грабеж». На другой день после этого сельский староста пошел по деревне и говорил людям, чтобы не ходили на работу к помещику и гнали скот на помещичий попас» [13, л. 4]. Земский начальник Левшин, которому было поручено рассмотреть дело, в донесении от 30 октября 1906 года подтвердил тот факт, что Г. Колошвин крестьян «склонял к вступлению в Союз русского народа». Губернские и уездные чиновники инцидент постарались скрыть, все обстоятельства дела свели к недоразумению, а уникальному патриотизму Г. Колошвина нашли применение на армейской службе в солдатских рядах «по слухам» (термин делопроизводства Минского губернского присутствия. – Авт.) в Петербурге [13, л. 3, 16].

По определению русского мыслителя Н.А. Бердяева, «ко времени революции

старый режим совершенно... исчерпался и выдохся...» [15, с. 109]. Основными проблемами оставались «земля и воля». Народная концепция «черного передела», как совокупность направлявших классовую борьбу социальных идей (о «Божией земле», о социальной справедливости и об отце-правителе – «Помазаннике Божиим», «Царе-батюшке», призванном воплотить в жизнь народную правду), крестьянами облекалась в религиозную православно-русскую форму. Современник событий Н.А. Бердяев писал: «Это даже гораздо более психологический и моральный вопрос, чем чисто экономический. Русским крестьянам всегда были чужды понятия римского права о собственности. Крестьяне считали, что земля Божия, т.е. ничья в человеческом смысле. Присвоение земли помещиками-дворянами крестьяне всегда считали такой же неправдой, как и крепостное право... Крестьяне мечтали о «черном переделе»... Раньше верили даже, что это сделает царь» [15, с. 111–112].

Доктор исторических наук М.С. Корзун, открывший истоки народной православно-русской концепции «черного передела» в XVIII веке (для которой была характерна «связь наивного монархизма с господствующим православием»), первым в отечественной историографии акцентировал внимание на влиянии религиозного мировоззрения на концептуальное обоснование социальной борьбы в крестьянской среде [16, с. 131–132]. С возникновением в начале XX века правых партий, включавших десятки тысяч крестьян, социальные низы не стали терять новой возможности реализовать вековое стремление к социальной справедливости с религиозной надеждой на Помазанника Божиего. О религиозном авторитете в патриархальных массах не только царя, но и представителей императорской фамилии свидетельствует обращение неграмотного белорусского крестьянина Минской губернии села Михалюк А. Теслиюка за «крестом благословения» через минского губернатора к «Ее Императорскому Величеству Государыне Императрице Марии Феодоровне» в 1906 году [7, л. 414].

На этапе первой российской революции формировавшееся классовое сознание патриархальных слоев населения воплощалось в религиозной форме православно-русской народной концепции «революции справа». Крайне правые организации стали

▲ Рисунок 2. Православно-русская народно-крестьянская концепция социальной борьбы

первой политической школой для патриархальных социальных низов в борьбе за свои классовые интересы. В радикализации монархического движения и в его социально-классовом делении на народно-крестьянское и дворянско-аристократическое направление проявилась неизбежность социального взрыва в Российской империи начала XX века, продвигавшейся в модернизации общества по капиталистическому пути развития и ориентировавшейся на западноевропейский вариант социальных реформ, чуждый в цивилизационном отношении для восточноевропейских народов. ─

ЛИТЕРАТУРА

1. Мережковский, Д.С. Грядущий Хам / Д.С. Мережковский // Большая Россия: Избранное; сост. д-р филос. наук С.Н. Савельев. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1991. – С. 11–110.
2. Федотов, Г.П. Революция идет / Г.П. Федотов // Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. – СПб.: София, 1991. – Т. 1. – С. 127–173.
3. Анофранка, Н.В. Беларусь у складзе Расійскай імперыі / Н.В. Анофранка [і інш.] // Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 2004. – Т. 18, кн. 2. – С. 166–194.
4. Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ, 1906–1913: в 3 т. / Редкол.: В.В. Шелохаев (отв. ред.) [и др.]. – М.: РОССПЭН, 2001. – Т.1: 1906–1908 гг. – 926 с.
5. Омелянчук, И.В. Социальный состав черносотенных партий в начале XX века / И.В. Омелянчук // Отечественная история. – 2004. – № 2. – С. 84–95.
6. Степанов, С. Черная сотня / С. Степанов. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Эксмо, Яуза, 2005. – 544 с.
7. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 7694.
8. Правые партии: Документы и материалы, 1905–1917 гг.: в 2 т. / Редкол.: В.В. Шелохаев (отв. ред.) [и др.]. – М.: РОССПЭН, 1998. – Т.1: 1905–1910 гг. – 720 с.
9. Бондаренко, К.М. Русские и белорусские монархисты в начале XX века / К.М. Бондаренко, Д.С. Лавринович. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2003. – 212 с.
10. Документы и материалы по истории Белоруссии (1900–1917 гг.): Т. 3 / Ин-т истории Академии наук БССР; редкол.: В.Н. Перцев [и др.]. – Минск: Изд-во АН БССР, 1953. – 1020 с.
11. НИАБ. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 7679 б.
12. НИАБ. – Фонд 1416. – Оп. 6. – Д. 820.
13. НИАБ. – Фонд 1595. – Оп. 1. – Д. 972.
14. НИАБ. – Фонд 1595. – Оп. 1. – Д. 858.
15. Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
16. Корзун, М.С. Русская православная церковь на службе эксплуататорских классов: X век – 1917 год / М.С. Корзун. – Минск: Беларусь, 1984. – 255 с.